

В народном суде

...Прим посетительница начинается рано. Стоит горячая предуборочная пора, и каждый торопится пораньше закончить свои дела в районном центре. Часов в семь утра народный судья Шпиковского района Карп Иванович Гудзенко начинает свой рабочий день.

Прежде всего — беседы по тем делам, которые назначены к рассмотрению. Работник кооперации, но вылатившийся вовремя суду, полученную на строительство дома, пришел сообщить о том, что он хотел бы погасить долг до судебного заседания. Народный судья соглашается, требуя лишь в срок представить суду квитанцию.

Агроном зашел к народному судье поблагодарить его за совет и дружеское участие. Некоторое время назад агроном спьяно поспорил со своей женой-учительницей; дело чуть было не дошло до разрыва — уже в суд поступили заявления супругов о разводе. Судья помог им разобраться в том, что незоразумение между ними возникло на почве злой шутки. Убедившись в этом, супруги помирились и взяли обратно свои заявления. Что ж, Карпу Ивановичу осталось пожелать агроному и его жене счастливой жизни...

Каждый посетитель — их сегодня человек двадцать — получает ясное и толковое разъяснение, совет. Судья выкидает в суть вопроса, — прием и беседа с посетителем во многом предопределяют дальнейший ход дела.

Началось судебное заседание. Перед судебным столом стоят две женщины. Обе — истица и ответчица — живут в селе Винокурня, соседки. Гражданка М. обвиняет гражданку К. в публичном оскорблении действием.

— Признаете ли вы себя виновной в предъявленном обвинении? — спрашивает судья.

— Признаю, — отвечает К. — Я оскорбила М. водой ее облила.

— Почему вы это сделали?

— Подумайте. Карп Иванович, — выходя за рамки обращения по форме, объясняет женщине, — она пнула по селу слух, что я вроде бы... ну, ведьма, что ли, и заговорила ее корову, та, мол, стала давать меньше молока. Да как я, колхозница, могла стать ведьмой!

Варья хохотала в зале.

Только по словам К. П. Гудзенко можно определить, что и судья едва сдерживает улыбку. Терпеливо и серьезно объясняет он ответчице, что правила социалистического общества не позволяют ей при каких обстоятельствах наносить оскорбление словом или тем более, действием. Затем, обращаясь к истце, Карп Иванович спрашивает:

— Вы показывали корову зоотехнику?

— Нет.

— Вы сами решили, что корова «заорожена» или вам об этом кто-то сказал?

Женщина молчит. Потом, глядя прямо в глаза судьи, тихо отвечает:

— Да, одна старушка у нас ночевала. Она и рассказывала про духов и ведьм в образе людей, которые коров «портят».

Раздается новый взрыв смеха.

Суд удаляется на совещание. Посовещавшись с народными заседателями, судья заканчивает это «дело», вынося минимальное наказание нарушительнице общественного порядка. Главное же записано в личной тетрадке Гудзенко: а) сообщить в райсельхозотдел — надо направить к М. зоотехника, пусть осмотрит корову и установит причину снижения удоя; б) обратить внимание сельсовета на слабую культурную работу в селе Винокурня; в) договориться с учителями, чтобы организовали в Винокурне лекции и беседы о вреде, наносимом мракобесием; г) узнать, что за «старушка» появилась в районе...

Следующим держит ответ перед судом некий гражданин Ковтун. Дело о взыскании алиментов поступило в Шпиковский областной суд для пересмотра после отмены решения, вынесенного судом соседнего Томашпольского района.

— С гражданкой А., — говорит ответчик, — в браке я никогда не состоял. Задолго до рождения детей я был призван в армию. Разрешите сесть?

— Положите!

Ответчик велит себя нечестно, улыбаясь от прямых ответов на вопросы. Судья Гудзенко внимательно перелистывает дело, знакомит народных заседателей с какими-то материалами.

— Значит, вы отрицаете, что состоите в браке с А. и что вы с нею зарегистрированы?

— Отрицаю.

— Значит, вы отрицаете, что состоите в браке с А. и что вы с нею зарегистрированы? — спрашивает судья.

— Суд выносит решение: взыскивать алименты с ответчика. Изобличение Ковтуна стало возможным только потому, что народный судья предварительно подготовился к делу, тщательно изучил его.

Чуткое, внимательное отношение к человеку, забота о том, чтобы виновный был оправдан и реабилитирован, а человек, случайно совершивший преступление, мог исправиться и осознать свои ошибки, — вот характерные черты советского судьи.

Молодой колхозник И., погуляв на вечеринке, ввязался в драку и разбил окно. Милиция привлекла И. к ответственности. В процессе судебного разбирательства выяснилось, однако, что И. никогда раньше не был замечан в хулиганских поступках; правление колхоза характеризовало его как хорошего работника, а свидетели показали, что И. глубоко переживает свой поступок.

— Взыскать эти обстоятельства и полное чистосердечное признание обвиняемого, — рассказывает Карп Иванович, — суд пришел к выводу, что это — человек неоспоренный. Мы нашли возможным применить к нему статью, предусматривающую смягчение наказания за незначительные преступления.

Таких фактов немало в практике народного суда Шпиковского района. Но расхитители социалистической собственности, растратчики и прочие злостные преступники не встречаются здесь никакого снисхождения. Там, где дело касается охраны интересов государства, интересов колхоза или населения, советский судья суров и непреклонен. Рука правосудия справедливо карает тех, кто нарушает законы.

Правильность вынесения приговоров, решений и профилактические меры, проводимые К. П. Гудзенко, способствуют снижению в Шпиковском районе преступок, караемых законом.

Исчезли из производства народного суда дела о грабежах и многих других тяжких преступлениях. Здесь сказывается прежде всего сам характер нашей советской жизни и та постоянная воспитательная работа с населением, которую ведет общественность района.

Мы сидим в зале судебных заседаний. Длинные аккуратные ряды скамеек, стол,

покрытый скатертью, на подоконниках большие горшки с цветами. Часто, до бески вымат деревенский пол. Время уже позднее — работа закончена, поэтому не торопясь, Гудзенко может рассказать о себе и своем районе, в котором живет и работает вот уже больше двадцати лет.

Был пастухом, поступил в комсомол, получил среднее образование. Участвовал в создании колхозов, боролся с кулачеством, семь лет председательствовал в сельсовете. Работал в райкоме партии и в райисполкоме. В 1937 году, получив специальное юридическое образование, занялся судебной деятельностью. В 1949 году население района тайным голосованием избрало его народным судьей.

— Район как будто и небольшой, а дела — целые горы. Я, конечно, имею в виду дела не судебные, — улыбается Карп Иванович. — В районе 21 колхоз, две МТС, сахарный и молочный заводы, вальцовый завод, школы, больницы, санаторий. Тысячи людей самых различных профессий и специальностей.

По тому, с какими подробностями Карп Иванович рассказывает о работе тех или иных предприятий, об их успехах и недостатках, по определенности и проницательности характеристик, которые он дает директорам школ, врачам, бригадирам, агитаторам, чувствуется, что человек этот не сидит в четырех стенах, что он досконально знает жизнь и нужды района, связан тысячами нитей со своими избирателями.

— Общение с людьми помогает мне в судебной работе.

Гудзенко открывает стол и достает стопку тетрадей. Это конспекты его бесед с населением: «Об охране социалистической собственности», «Сущность советского законодательства о семье и браке», «Борьба с капиталистическими пережитками в сознании людей», «О трудовой дисциплине».

— Долг судьи, — говорит он, — разъяснять законы. Практика показала, что некоторые дела в суде возникают, когда человек не знает законов, когда отсутствует разъяснительная работа.

В 1950 году в суде Шпиковского района прошло несколько дел, связанных с нарушением Устава колхозной жизни и разбазариванием общественных земель, а в нынешнем — только одно. Но различным должностным преступлениям в прошлом году — 3, в текущем снова только одно. И в этих показателях, несомненно, нашли свое отражение результаты планомерной воспитательной, так сказать, профилактической, работы судьи и его помощников — народных заседателей.

Карп Иванович сумел увлечь и каждого из народных заседателей: они стали активными судебными деятелями.

Вот и теперь, в этот вечерний час, к Гудзенко пришли народные заседатели — врач Панкова и бухгалтер Зарочный; они хотят ознакомиться с делами, которые назначены на завтра и в рассмотрении которых им предстоит участвовать.

Кто же входит в состав народного суда Шпиковского района Винницкой области? Мы взяли наугад списки народных заседателей из двух только сел. Население села Рахны избрало в народные заседатели заведующую молочной фермой колхоза Анну Дубину, лаборантку машинно-тракторной станции Клару Эрнбург, стрелочника железной дороги Петра Михайловского, механика Ивана Васильева. От села Петора избраны народными заседателями учительница Наталья Тарювская, колхозница Филена Рачинская, заведующая сельской аптекой Дора Перлова.

Так в наших народных судах на деле осуществляется народность правосудия.

Село ШПИКОВО, Винницкой области

Платон ВОРОНЬКО

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

в переводе с украинского
С. МАРШАКА

1. МЫ ПИСАЛИ СТАЛИНУ

Мы писали Сталину в столицу
Про свою высокую пшеницу
И про то, что уродилась рожь.
И о том, как наш колхоз хорош.
Мы слова писали
На странице —
Рисовали
Следую пшеницу.
Мы еще не поступили в класс
И писать не научили нас.
Только Сталин лучше всех на свете
Понимает все, что пишут дети!

2. ЛУЧШЕ НЕТ РОДНОГО КРАЯ

Жура-жура-журавель!
Облетал он стог земель.
Облетал, обходил,
Крылья, ноги натрудил.
Мы спросили журавля:
— Где же лучшая земля?
Отвечал он, пролетая:
— Лучше нет родного края!

3. У НАС СДЕЛАЛИ ДОЖДЬ

Солнце греет, ветер веет.
Ясен синий небосвод.
А поля зеленее,
Потому что дождь идет.
Вот так чудо! Прямо — чудо!
Что за дождик и откуда?
Чист и ясен небосвод.
Тучки нет, а дождь идет!

4. ЛИПКА

Выросла я, липка,
Тоненькой и гибкой.
Не ломай меня!
Медоносным цветом
Запахну в лето.
Береги меня!
В полдень подо мною
Спрячься от зноя.
Вырасти меня!
Я тебя листоно
От дождя укрою.
Поливай меня!
Вместе, друг мой милый,
Наберемся сил.
Ты люби меня!
А дождешся срока,
Выйдешь в мир широкий —
Не забудь меня!

102 филиала библиотеки

БАКУ. (Наш корр.). Кончилась трудовой день. Яркие электрические огни осветили широкие улицы Биби-Эйбата. В красном уголке сельского промысла треста «Сталин-нефть» становится людно — прибыла книжная передвижка Бакинского центрального библиотечного передвижного фонда имени А. М. Горького. У передвижки около восьмисот читателей; только за последние три месяца они взяли более шести тысяч книг. 102 такие передвижки имеются у библиотек.

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Синтомицин — крупная победа медицины

Еще К. А. Тимирязев призывал отечественных микробиологов выводить из микробов их тайну, а затем обойтись без их услуг. Советские микробиологи осуществляют завет великого биолога-материалиста. Когда два года назад стала известна химическая формула антибиотика хлоромипетина, выделенного режком грибок, группа инженеров-химиков и врачей, возглавляемая лауреатом Сталинской премии Ф. С. Ханена, решила искусственно приготовить этот антибиотик. Создание препарата с чрезвычайно сложной структурой потребовало огромных усилий от всего научного коллектива. Но уже через три месяца после начала работ лаборатория располагала несколькими граммами антибиотика. Синтетический антибиотик получил имя — синтомицин.

Испытание синтомицина в клинике началось при необычных обстоятельствах. Во время опыта дизентерией заразился сотрудник лаборатории врач И. Э. Гунзель. Длительный в больницу в тяжелом состоянии, он, будучи уверен в целительных силах синтомицина, попросил доверить ему этим еще не известным врачам препаратом. Действие синтомицина изумило врачей: через 12 часов после первого приема лекарства Гунзель почувствовал себя здоровым, а еще через несколько часов в его организме нельзя было обнаружить микробов дизентерии.

Дальнейшие испытания подтвердили чудесные свойства нового лекарства. Ничтожная доза в 1,5—5,0 грамма синтомицина в кубическом сантиметре раствора, зараженного микробами дизентерии, полностью приостанавливала их жизнедеятельность.

Как известно, дизентерия — тяжелое кишечное заболевание — часто поражает детей. Особенно страшна для малышей токсическая форма этой болезни. После применения синтомицина в детской клинической больнице смертность упала до нуля! В 12 больницах Москвы и в Педиатрическом институте Ленинграда врачи в один голос подтвердили: с появлением синтомицина дизентерия перестала быть смертельным заболеванием!

Каждый день приносит ученым открытие все новых замечательных свойств препарата: он помогает не только при острой, но и при хронической форме багиллярной (микробной) дизентерии, с успехом применяется для лечения сыпного и брюшного тифа.

Потребовались большие количества препарата. Комплексная бригада Научно-исследовательского химико-фармацевтического института им. С. Орджоникидзе и Института биологической и медицинской химии Академии медицинских наук разработала методику промышленного изготовления синтомицина. Поддержка Министерства здравоохранения СССР позволила в несколько месяцев наладить заводской выпуск препарата.

К концу 1951 года синтомицин станет достоянием каждого лечебного пункта нашей страны.

Создание синтетического антибиотика — синтомицина — большая победа отечественной науки. За разработку и внедрение нового способа лечения багиллярной дизентерии заведующему лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института им. С. Орджоникидзе Ф. С. Ханена, сотрудникам института В. Ф. Галактик, И. Э. Гунзель, Г. И. Першину и главному врачу детской клинической больницы в Москве Е. В. Прохоровичу присуждена Сталинская премия.

Долгостойкие цементы и бетоны

Ученые — физико-химиков и технологов — давно занимают проблема удлинения сроков службы и повышения прочности цемента и бетона. Сейчас, в связи с сооружением гигантских гидростанций, судостроения и оросительных каналов, эта проблема приобретает первостепенное практическое значение.

Детальные комплексные исследования в этой области, проведенные в Институте физической химии Академии наук СССР, на кафедре коллоидной химии Московского университета и в других научных учреждениях, увенчались успехом: группа ученых во главе с академиком И. Ребиндером нашла способ значительного улучшения качества строительных материалов.

Испытания показали, что добавление специально обработанных органических веществ — отходов некоторых производств — позволило повысить прочность цементного раствора, сделать его более водонепроницаемым и морозостойчивым. На предприятиях заводов по способу, предложен-

ному учеными, создан новый вид вяжущих материалов. Хорошие результаты получены и в приготовлении бетона. Добавка в бетон поверхностно-активных органических веществ предохраняет сооружение от разрушающего влияния солей, растворенных в воде, и тем самым намного удлиняет срок службы гидросооружений.

Научив свойства доменных шлаков и определив методы их обработки, ученые получили также новые виды шлаковых цементов, отличающихся химической стойкостью. Прочность некоторых видов цементов на сжатие несравненно выше прочности обычных цементов.

На совещании секции строительных материалов Комитета содействия строительству гидроэлектростанций, каналов и оросительных систем при Президиуме Академии наук СССР решено передать результаты этих работ «Гидропроект» для практического применения на строительстве Куйбышевского и Сталинградского гидроузлов.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«СЛОВО КОЛХОЗНОГО СЧЕТОВОДА»

Под таким заголовком в № 47 «Литературной газеты» была напечатана статья тов. Г. Бакланова «Слово колхозного счетовода».

Заместитель министра сельского хозяйства СССР тов. И. Стрельцов сообщил редакции, что статья обсуждалась в Управлении учебных заведений и на Всесоюзных учебных курсах Министерства сельского хозяйства СССР.

Обсуждение показало, что статья правильно вскрывает недостатки в подготовке счетоводно-бухгалтерских кадров колхозов и районных отделов сельского хозяйства.

В приказе «О мерах по улучшению работы Всесоюзных заочных учебных курсов (ВЗУК)» и «Об устранении недостатков в работе сельхозхозяйственных органов по руководству постановкой учета и счетоводства в колхозах» Министерство сельского хозяйства СССР наметило меры по улучшению подготовки счетоводно-бухгалтерских кадров. В текущем году организуются заочные отделения при техникумах для подготовки бухгалтеров средней квалификации.

Замечания же исследователя о некоторых произведениях поэта могут вызвать только недоумение. Вот, например, как В. Евгеньев-Максимов анализирует чудесное стихотворение «В деревне».

В стихотворении этом старуха-крестьянка, потерявшая сына-охотника, горюет о своей утрате, скорбит об одинокой старости. Вторым мотивом стихотворения прохит в воспоминаниях матери заботливость сына о ней, теплота сыновнего чувства, простого, но искреннего. Телодата любви, без которой жизнь пуста, тосклива, холодна, сила материнского и сыновнего чувства — вот пафос стихотворения. Ухватившись за вырванную из общего контекста часть, В. Евгеньев-Максимов пишет, сравнивая крестьянского парня Савушку с расквашенным «великим грешником» Власом: «Если Влас воплощает в себе духовную мощь народа, то Савушка («В деревне») — это воплощение его физической мощи». Дело же в том, что и простую старую крестьянку, и сына ее поэт рассматривал прежде всего как воплощение высокой человечности: исследователь проходит мимо гуманистического пафоса, составляющего основу произведения. Ту же лавинающую схему накладывает Евгеньев-Максимов и на другое произведение. Он пишет, что «в образе огородника (стихотворение «Огородник») прежде всего подчеркивается его физическая красота, физическое обаяние». Но образ простого деревенского парня, созданный поэтом, примечателен опять-таки не физической красотой, а смелостью, приветливостью, простотой души, русским качеством, силой чувства. Герой стихотворения «Свой век загубил за ленивую красу, за ленивую красу, за дворянскую дочь». Его чувство, заставляющее парня молчать, когда его, крадущегося на свидание, принимают за вора, благороднее и выше, чем чувство дворянской дочери, которая не сделала ничего, чтоб спасти своего возлюбленного.

Думается, что история меньше выноблится «исследователем», по устали встали отпа отпа Некрасова. В. Евгеньев-Максимов смог бы несравненно более успешно анализировать произведения поэта и связь его творчества с передовыми, прогрессивными идеями века.

Книга Евгеньева-Максимова не дает представления о Некрасове, как поэте и общественном деятеле. Мелочная биографичность, неумение дать подлинно научный анализ творчества сделали большую работу исследователя во многом неполноценной. К этому автора привело то, что в своем исследовании он подчас, в сущности,

Б. РЮРИКОВ

Литературные заметки

Однажды Гейне спросили, какие причины заставили его написать одно из его скорбных стихотворений. Поэт ответил иронически: «Виноват саможник, он обуздил ботнок, было было поге, — вот откуда моя скорбь». Гейне явно издевался над теми, кто ищет мелких причин, рождающих большие поэтические произведения, кто копается в интимном быте поэта, пытаясь найти здесь корни, истоки поэтического творчества.

Мелочный, узкобиографический подход в творчестве литераторов — естественная и закономерная черта буржуазного литературоведения. Существовала целая «школа» представителей «биографического метода» — школа, отражавшая бесиле и неспособность буржуазной науки разобраться в подлинных закономерностях развития искусства, в силах, движущих литературный процесс.

Советские исследователи создали за последнее время ряд ценных книг, посвященных великим мыслителям и писателям прошлого. К таким работам относятся книги С. Макашина — о Салтыкове-Щедрине, Я. Засбергера — о Герцене, В. Ермилова — о Чехове, Д. Благого — о Пушкине; книги работников философского фронта Д. Чеснокова — о Герцене, В. Кружкова — о Добролюбове и др. В этих книгах раскрывается значение творческой деятельности великих людей прошлого, показывается их творчество в связи со всей общественной-политической жизнью страны, с развитием отечественной культуры.

Задача советского литературоведения — объяснить творчество писателя, как художественное отражение действительности, как зеркало народной жизни и борьбы, как силу, связанную с этой борьбой и участвующую в ней. Ленин анализировал произведения Толстого «с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее». Дав гениальную характеристику творчеству писателя, его жизни и деятельности в связи с решающими событиями эпохи, он показал направление научного исследования в области литературы.

Однако до сих пор появляются произведения, которые свидетельствуют, что авторы их не проявляют большой заботы о методе своего исследования. Подчас их более всего волнует «проблема узкого сапога». Есть произведения, которые перегружены мелкими и второстепенными деталями, «интимными» подробностями жизни писателя, в которых второстепенное нередко просто заслоняет то, что представляет главный, действительно научный интерес.

Недавно вышел второй том работы В. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова». Первый том этой книги был выпущен еще в 1947 году.

В. Евгеньев-Максимов сделал чрезвычайно много для изучения жизни и деятельности Некрасова. Им написан ряд исследовательских работ, посвященных великому поэту. Ему принадлежат заслуга разыскания и публикации большого количества документов, посвященных Некрасову. Это учений с богатейшим запасом знаний, фактических материалов, относящихся к жизни и творческой деятельности поэта. И тем не менее его труд о Некрасове в ряде мест не может не вызвать серьезных возражений. Некрасов был большим человеком и большим поэтом, — и нам кажется, что перекло В. Евгеньев-Максимов мельчит в своих характеристиках.

Исследователь, споря тут, должен изучать биографию поэта, умея видеть в личном общественное и понимая, какие большие социальные процессы перекло обнаруживаются за частным и, казалось бы, «мелким» явлением. Мы вовсе не хотим, чтоб живое лицо художника потонуло во мраке схем и абстракций. Когда схематичны и педантичны превращают в безжизненную схему живой, полнокровный облик писателя, лишают красок живую жизнь, они мешают понять и произведение искусства и облик его создателя.

По если вредна и опасна унылая схематика схематиков, — вредно и такое погружение в биографию, в быт, в подробности личной жизни, которое мешает увидеть поэта, как поэта, деятеля, как деятеля, мешает видеть главное в его жизни за сотнями деталей.

В. Евгеньев-Максимов рассказывает множество подробностей о Некрасове, в его

роде, о его жизни. Но такой рассказ требует от исследователя чувства меры, такта в отношении к поэту, о котором он повествует. В. Евгеньев-Максимов считает важным привлекать наше внимание к вопросу о предках Некрасова. Вряд ли была действительно необходима столь подробное говорить о предках поэта, приводя различные семейные легенды. Вряд ли заслуживала столь подробное воспроизведения история о том, как бабушка поэта вела тяжбу с Салтыковыми за свои деревни и как Навел И сканился и приказал отделить ли деревню. Некрасов еще в детские годы познал страдания, бесцельную, вырождающуюся крепостническую среду, среду «господ», засекающих «своих» крестьян и торгующих живыми людьми. Зловещим представителем этой среды был отец поэта, жестокий самодур, картежник, расушник... Естественно, что биограф поэта рассказывает о первых «семейных» впечатлениях поэта. Но нам непонятно, для чего там, где требуется краткая, выразительная характеристика, посылать целые главы кустарничеству А. С. Некрасова, его страсти к охотам или картам («эта страсть рассматривалась в семье Некрасовых как безнравственная», — подчеркивает автор), подробно рассказывать о его женатости, приводя даже список его сожительниц. Вряд ли уместны довольно нудные «рассуждения» о том, что воспринял Некрасов из страстей отца.

С самого начала на читателя обрушивается такой поток интимных подробностей и семейных преданий, что где уж тут думать о том, что не вмещается в рамки этих интимных отношений... Вместо того, чтобы раскрыть большое и светлое в широкой и благородной натуре поэта, биограф его занимается исследованиями «проблем», вроде врожденности страсти Некрасова к картам.

В. Евгеньев-Максимов рассказывает о первых шагах Некрасова в Петербурге. Говоря о годах тяжелой жизни поэта, о грязной и суровой действительности, которая окружала его по приезде в Петербург, о днях, когда он оказался вынужденным искать приюта в подпольном доме, исследователь делает вывод: «Вот почва, на которой упрочилось в душе Некрасова сознание несправедливости общественного порядка, осознание по неравномерному распределению жизненных благ».

Некрасов действительно перенес много мучительно тяжелых дней в петербургских трущобах, но как ни велик след этого периода в сознании поэта, автору следовало бы полнее показать, что почвой,

на которой упрочилось в душе Некрасова сознание общественной несправедливости, были отнюдь не только петербургские трущобы, а вся Россия. В том-то и заключалась гениальность Некрасова, что впечатления юности он связывал с широкой картиной жизни всей страны, что он широко видел и тонко понимал сложный процесс общественного развития.

Желая собрать как можно больше «биографических фактов», автор обращается к свидетелям взором, а то и просто оскорбительным для поэта. Он воспроизводит, например, мнение Скабичевского о Некрасове. Скабичевский, старательно подчеркивая в Некрасове «ярославскую предприимчивость», писал: «С первых же шагов своих в столице Некрасов является уже отъявленным предпринимателем, и жилая практичности сказывается уже в нем. Как истый ярославец, он стучится, что называется, во все двери».

Эти имеющие определенный душок разговора либерала о «предпринимательстве» Некрасова Скабичевский сопровождает лихорадочной оговоркой, что в Некрасове надо видеть «не одну только практическую предприимчивость». Нам думается, что ни характеристика, данная Скабичевским, ни оговорка по поводу этой характеристики не заслуживают внимания советских людей. Исследователь должен подняться выше этих мелочей, ему не надо идти на поводу у небросовенных, а то и просто враждебных к Некрасову людей, которым хотелось бы, чтоб изучение жизни и деятельности поэта вращалось в круге вопросов, выдвинутых ими.

В книге нет глубокой характеристики общественной и идеологической борьбы начала 40-х годов, литературной обстановки того времени. По существу, не освещенными остаются влияние на Некрасова Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Конечно, в этом вопросе нет столь «решительных» оснований для суждений, как показания о том, что Некрасов заложил хозяйку квартиры 45 рублей, но зато есть стихи самого Некрасова, которые достаточно раскрывают, какие именные и литературные влияния определяли развитие поэта.

У В. Евгеньева-Максимова не оказалось чувства меры и понимания того, что им создается биография гениального художника слова, биография русского поэта, на творчестве которого воспитывались поколения.

Не хочется воспроизводить многие «подробности» жизни поэта, коллекционируемые автором. Автор книги часто не умеет отделить большого от частного и менее зна-

О главном и о «подробностях»

Более семи столетий отделяют читателя от событий, описанных в романе Антона Хвизака «Данила Галицкий».

Среди богатого историко-литературного наследия, оставленного нам предками, ценнейшим документом является галицко-волынский повествование, начало которому положено примерно в 1210—1211 годах первыми записками князя Галицкого.

Страницы из странной раскрывает летопись историю городов Галича, Холма, Львова, повествует о высокой культуре этой земли, о развитии искусства и ремесел, о доблести и выучке воинов, прославившего себя в легендарных сражениях против иноземных недругов, против орд Батия и его приспешников, против коварных и кровожадных «судетей» католиков — крестоносцев.

Автор строит свой роман в соответствии со свидетельствами исторического памятника. Восемь частей книги — это почти шесть десятилетий жизни Даниила Галицкого, прожившего 64 года. Это — эпоха, охарактеризованная в той же летописи такими словами: «Начнем же сказати бесчисленные рати, и великия труды, и частыя войны и многа кресты, и частая востанья и многа мятежи...»

Работая над романом о Даниле Галицком, А. Хвизак основательно и добросовестно изучил исторический материал. Из знакомства с источниками вырастает образ феодального полководца и владетеля, человека умного, образованного и дальновидного патриота, в бою отстоявшего престола на независимость отчины. Таким он и обрисован в романе. Образ князя Даниила очерчен в целом удачно и верно.

Эпоха Даниила Галицкого сопряжена с огромным количеством победоносных походов, в которых княжеское войско наголову разбило и шестидесятысячную армию татаро-монгольского вождя Куремсы, и войска венгерского короля Бела IV, и легендарные крестоносцы. После победы римского Иннокентия IV — Плана Карпини и летат Олгива жалко и, как черств, добивались приема при дворе галицкого князя.

Сцена приема панского легата, так же как и эпизод пребывания Даниила в орде хана Бату, отлично написаны романистом.

Наряду с образом князя Даниила автору книги бесспорно удалось образы Мстислава Удалого, тысяцкого Дмитрия, Мирослава. Запоминаются строитель Авдей и воины из народа Мефодий, Твердохлеб и Теодосий. Говоря об удачах книги, нужно отметить яркие главы, посвященные борьбе воинов Даниила с татаро-монголами, посяганиями феодалами, венгерским королем и крестоносцами.

И все же, при всех этих достоинствах, скрупулезная детализация нередко превращает роман А. Хвизака в ряд «исторических картин», затеивает основные линии и фигуры второстепенными и необязательными, лишает книгу целостности, а места мелочит ее, уничтожая широту, необходимую для социального полотна, каким должен быть исторический роман.

В романе есть лишние фигуры: вызваных в жизни, автор не знает зачем, как забываться от них, а читатель может лишь недоумевать: зачем его знакомил с такими, например, героями и героинями, как традиционный поэтун Семен Олуевич, который никак не действует, а лишь ходит по книге и жалеет своего воспитанника, как Рокосана, Светозара, княгиня Мария и Анна.

Особо хочется остановиться на женских образах, созданных автором «Даниила Галицкого». Вспомогательные проходят через роман героини его, старательно украшенные автором и песенной красотой и всеми возможными подробностями.

Возьмем, к примеру, мать Даниила Марию. Роман начинается с вступления, когда Мария ждет возвращения мужа. Князь Роман убит. Об этом пришла повелеть княгине ближайшая соратница ее мужа.

«Княгиня поблелела, подняла руки, как бы защищаясь от удара, и оцепенела. Мгновение стояла она так, а потом упала на стол и заголосила».

Далее мы узнаем от автора, что во время похорон Мария зарыдала на весь собор, что после похорон она была грустна и молчалива, и, наконец, что, суровая и сдержанная при жизни мужа, она оживала только на охоте, когда с горящими глазами глядела за зверем. Непаромком общими о ее смерти, автор спешит отделиться от Марию, оставив у читателя впечатление, что беспомощность и растерянность — главные черты, отличающие характер княгини. Это явно противоречит исторической истине. Источники повествуют, что Мария Романовичева вела энергичную дипломатическую борьбу за возвращение своих сыновей, а по возвращении в Галич князя Даниила энергично предостерегла на самостоятельное княжение до его совершеннолетия. Притязания Марию были столь настоятельны, что только заточение ее в монастырь прекратило борющую смуту.

Не лучше изображена в романе и жена князя Даниила Анна, о которой мы узнаем, что у нее длинные трепещущие ресницы, постоянная тоска по мужу и также страстная любовь к охоте.

Совершенно непонятны, а порою досадны примитивные ирические эпизоды романа — история мгновенно возникающей любви и последующих любовных томлений князя Даниила и его сына Льва, княгини Анны и т. д. Эти слабо написанные сцены вызывают чувство досады, ибо отвлекают от основных коллизий повествования.

Недостаточная тщательность в отборе важного и отсеиве второстепенного, стремление писателя рассказать «обо всем» привели к тому, что многие эпизоды романа воспринимаются не как звенья единой цепи, а как иллюстрации к историческим и археологическим документам. Автор нередко выключает в повествование фразы, излагающие скоромговоркой как бы сводку событий — значительных, но не освещенных в романе. Часто такие фразы обиваются на справку, более умест-

ную в учебнике истории, нежели в художественном произведении. Таковы, например, описание Тевтонского ордена, второй рассказ о новгородском водопроводе, перечисление предметов торговли галичан и многое другое.

Уместен вопрос: в какой мере художник, создающий исторический роман, имеет право на «доископение» быта, известного ему лишь по археологическим и, в лучшем случае, по скучным литературным памятникам?

Думается, нам, что только в той мере, какая необходима для раскрытия и объяснения основных коллизий романа.

Между тем автор в погоне за занимательностью создает порой бытовые сцены, ничем не оправданные, не помогающие раскрытию характеров, а лишь уводящие читателя от главного.

Таково, например, начало эпизода «Посол в Новгород». Таковы поражающие обилием дурных штампов главы «Владислав снова в Галиче» и «Судислав плетет свою сеть».

Совершенно вырывается из ткани романа глава «Где же а правду найду?». Причину здесь следует искать в примитивной социологизации. Автору не удалось нарисовать верную в целом картину социальных отношений эпохи. И потому, словно почувствовав, что он несколько погрешил против правды, преувеличивая демократизм князя во всех его связях и отношениях, А. Хвизак решает внезапно напомнить, что его герой — феодал, и пишет главу, не связанную со всеми остальными, но должную показать тяжелую долю смертов и закупов в условиях феодального строя...

И, наконец, о языке романа. Прямая речь героев свободна от архаизмов, и это облегчает ее восприятие. Жаль, однако, что автор освоился и также и от необходимой характерности, настолько «современности», что порой забывается, в каком веке происходит события.

Области языковых штампов относятся к прикрасам автора к критической прозе, избыточной иверсиями, восходящей к приемам декадентов и почему-то укоренившейся в историческом романе.

«Боялся все нарушить глубокий сон княжеский, шепотом беседуя, и черней на кляросе евангелие читает себе под нос. Гудит его скрипучий голос, точно капля дождя, докучная...»

Кстати, точно ль «гудит» дождевая капля!

Мы намеренно столь подробно остановились на недостатках хорошо задуманного, а во многом и зрело выполненного романа А. Хвизака. Лучшие главы и эпизоды книги доказывают, что автор может особенно свое произведение от этих недостатков, явившихся результатом спешки и недомыслия, а на плодом неумелости и незнания. Исправленная и доработанная, эта книга, несомненно, найдет читателя и войдет в фонд достижений нашей художественной историографии.

Научная сессия по языкознанию

Советская страна широко отмечала годовщину со дня опубликования гениальных трудов товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания. Многочисленные научные сессии, конференции и собрания интеллигенции были проведены в различных городах Советского Союза.

Два дня — 20 и 21 июня — в Москве, в Доме ученых, проходила научная сессия отделений общественных наук Академии наук СССР. В сессии приняли участие ученые — языковеды, литературоведы, историки, философы, экономисты, представители филологических наук СССР и Академии наук союзных республик, профессора, преподаватели высших учебных заведений.

По предложению академика И. П. Толстого участники сессии под бурные аплодисменты избрали в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным.

Сессия открыл президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмелов.

С докладом «Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина» выступил академик В. В. Виноградов.

Докладчик подробно рассказал о той работе, которая проделана за истекший год. В свете задач, поставленных товарищем Сталиным перед советским языкознанием, проведены коренные изменения в научно-исследовательских и организационных принципах работы всех языковедческих институтов и филологических факультетов высших учебных заведений, в методике преподавания языков в средней школе.

Восторженно разрабатывается теория общего марксистского языкознания на материале конкретных исторических исследований языков мира.

Доклад вызвал оживленные прения, в которых приняли участие президент Академии наук Украинской ССР академик А. В. Шахматов, президент Академии педагогических наук РСФСР П. А. Капоров, действительный член Академии наук Грузинской ССР А. С. Чикобава.

На заключительном заседании сессии был заслушан доклад члена-корреспондента Академии наук СССР П. Ф. Юдина «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития общественных наук».

В прениях выступили действительный член Академии наук Казахской ССР Н. Т. Саурабаев, президент Академии наук Латвийской ССР И. В. Пейве и академик И. П. Мещанинов, который признал правильную критику его ошибок.

С огромным воодушевлением участники сессии приняли приветствие И. В. Сталина.

Новые книги

К ДЕНАДЕ УКРАИНСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

Гослитиздат Украины

Василевская В. Родина. Песнь над водами. Черны. Авторизованный перевод с польского Е. Усевич. 888 стр. 16 р.

Вальда И. Дороги жизни. Повести и рассказы. Авторизованный перевод с украинского. 379 стр. 15 р. 80 к.

Вышеградский Л. Молодость мира. Стихи. 188 стр. 8 р. 40 к.

Гурьев А. Наша молодость. Роман. Авторизованный перевод с украинского Е. Росель. 324 стр. 14 р. 75 к.

Ильченко А. Петербургская осень. (Повесть о Т. Шевченке). Перевод с украинского А. Беленского и др. Исправленное и дополненное издание. Кн. I. 312 стр. 14 р. 30 к.

Кучер В. Человек идет в горы. Черны, рассказы и портреты. Авторизованный перевод с украинского С. Мишуры. 247 стр. 11 р. 80 к.

Северов П. Весна в Донбассе. Повести и рассказы. Содержание: Весна в Донбассе. Донбассовцы в пути и др. 348 стр. 15 р. 60 к.

Сосюра В. Избранное. Стихотворения и поэмы. Перевод с украинского под редакцией В. Турганова. 183 стр. 12 р. 20 к.

Тычина П. Избранные произведения. Перевод с украинского под редакцией И. Ушакова. 352 стр. 17 р. 50 к.

Сатира и юмор

В украинской литературе

В едином поступательном движении и развитии всех жанров украинской советской литературы растет, расцветает и совершенствуется ее самый острый жанр — сатира и юмор.

Украинские сатирики и юмористы создали за последние годы много хороших, политических острот, получивших широкое признание и любовь народа. Не говоря о страницах и уголках сатиры и юмора во всех областных, городских, районных газетах и фабрично-заводских многотиражках, — на предприятиях, в колхозах, на шахтах, в учреждениях и учебных заведениях Украины выходят тысячи «Броколинов», «Перців», «Перелюч», «Колочек» и т. д. Сатира и юмор пробивались даже в толстые журналы, куда им на протяжении довольно долгого времени вход был категорически воспрещен.

В ряды творцов украинской сатиры и юмора вошли многочисленные периферийных «Перців», «Броколинов», «Колочек», «Бейер», «Перелюч» и другие свежие силы: прозаики и поэты.

«Откуда есть пошла украинская сатира и юмористы?»

Известно, что народ украинский любит смеяться, шутку, острое слово, умеет само пошутить над недругом. Перлы народного юмора рассыпаны щедро в пословицах, поговорах, шуточных песнях, прибаутках и т. д. Фольклор украинский в этом отношении богатейший.

Украинские сатирики и юмористы в литературе никогда не забывают и крепко гордятся тем, что багряно всей нашей новой украинской литературы Иван Петрович Котляревский — прежде всего блестящий сатирик и юморист. И «Энеида» и «Наказ-Полтавская» до сих пор молоды. Великий Тарас тоже любил острое слово, у Ивана Франко немало есть сатирических произведений и в стихах, и в прозе. А И. П. Бикта-Особоляненко, и Степан Руданский, и Лесь Мартович — все они наши предшественники и учителя.

Мы никогда не забываем и никогда не забудем, что И. В. Гоголь из Сорочинцев, А. П. Чехов из Тагайра — это близкий сосед. Кто же отнимет у нас и право и радость у них учиться? А если М. Е. Салтыков-Щедрин из Тверской губернии, Калынский уезд, а жил в Витке и в Петербурге, — так он и отсюда учил нас и до сих пор учит.

Да и в В. Маяковский любил Украину и был частым и дорогим нашим гостем. Прелюди у нас славные и учителя знаменитые... Были бы мы учениками прилежными, а научиться есть у кого.

Когда-то Антон Павлович Чехов замечательно сказал: «Много есть путей слушать общему делу, но смею думать, что обнаружение зла, ажи и порока так же не бесполезно, тем более, что предполагает полное сочувствие к добру и истине».

Оружие смеха, острое жало сатиры украинские советские сатирики и юмористы направляют прежде всего против величайшего зла современности — против человеконенавистнического лагеря фашистской реакции, против англо-американских империалистических похитителей войн, этих, по выражению Алексея Максимовича Горького, человекоподобных выродков, отщепенцев от человечества.

Разоблачение похитителей войны, борьба за мир писатели-сатирики считают своим патристическим долгом. Фельетоны и памфлеты Александра Корнейчука, Ярослава Галана, Юрия Смолича, сатирические стихи Микола Бажака, Андрея Малышко, Степана Олейника, Сергея Воскресенко, Дмитрия Белоуса, Ярослава Шпорты и других авторов беспощадно разоблачают кровавую агрессивную политику англо-американских атомщиков, с уничтожающим презрением клеймят пресудующим заоблачными похитителями войны — правых социалистов и украинских буржуазных, или, как их назвал наш народ, «стобюльдаше-националистов».

Всем нашим читателям, — да не только нашим, но и многим читателям зарубежных стран, — известен талантливый, острый памфлет Ярослава Галана «Отчет о приезде». Советский сатирик с своим памфлетом с убийственной силой обличает заправку католической церкви в гячжайших преступниках против мира и человечества.

Папа Пий XII пришел в неогннечемое бешенство, узнав о памфлете Галана. Он отлучил писателя от церкви. Сатирик ответил Ватикану уничтожающим фельетоном «Лялю на папу». Нет больше среди нас нашего дорогого товарища, талантливого писателя-сатирика, пламенного борца за коммунизм. Его зверская убила крова-

ные палачи папы, надеясь, что Ватикану удастся таким образом избавиться от своего неустранимого обличителя. Но острое сатирическое оружие Галана не покорилось ржавчине. Оно действует в руках его товарищей по оружию.

Фельетоны, рассказы, памфлеты, стихи на зарубежные темы пользуются широкой популярностью на Украине, они остро воспринимаются читателями, они воспеваются в народе чувство гнева и ненависти к похитителям войны, к врагам нашей Родины. Приведем интересный пример. В одном из районов Западной Украины Сергей Воскресенко, автор книги «Незарма брутнись земля», выступил с теемем своих «Писем президенту». И когда он продекларировал заключительные строки, обращенные к Гарри Трумэну:

Загине всякий, хто до нас
Поткнеться, як агресор...
В цім запемени ми вас,
Колгоспники з «Прогресса»!
Юхим Самусь, Трюкно Панас
Та Онкйя Колеса...

в зале послышался голос: «Підніміть і мене підписом!» «і мене підписом!» Эти немногословные реплики убедительно говорят о роли советской политической сатиры.

Важнейшая задача писателей, работающих в области сатиры и юмора, — борьба с пережитками капитализма в сознании советских людей.

Жанр юмора с положительным героем, широко представленный в творчестве С. Олейника и многих других украинских юмористов, — это совершенно новое явление, которого не знала юмористика прошлого. Этот жанр мог родиться, рождаясь и расцвевать только в нашей советской действительности.

Когда появились в печати фельетоны и юморески, написанные в этом жанре, воспевавшие красоту нашей жизни, подмигивающие на шит воле черты человеческого характера, некоторые незачинные критики начали носиться с тезисом о аэкономности таких произведений.

Тезис этот излагался примерно так: всякая сатира исполнен вью выявлял жаром обличительным, неспровергающим, а не утверждающим и воспевающим. Споря не все у нас на Украине Елены Хобты, Фелоры Дубовицкие и Макары Писменины. Сатирикам и юмористам придется еще не раз обличать расхитителей, казнокрадов, неспровергать бюрократию, пошлость, косность, зазнайство. Но советская сатирическая литература тем и отличается от юмористики прошлого, что она не только неспровергает, но и утверждает, ибо она глубоко оптимистическая литература.

Юморески, рассказы, очерки на положительные темы читаются в народе с большим интересом. Они глубоко патристичны, в них много поэзии, тепла, сердечности. В них много народного юмора, но юмор здесь играет совсем иную роль, чем в произведениях, вскрывающих и критикующих отрицательные явления в быту. В произведениях, обличающих, критикующих, элементы сатиры и юмора используются для осмеяния и неспровержения, здесь же юмор вызывает добрую улыбку радости и гордости.

Вот так обстоит дело на нашем сатирическом фронте. Кажется, сделано немало и неилоо сделано. И все-таки будет наиболее верно, если мы честно и открыто признаемся, что сделано далеко еще недостаточно, что у нас есть много слабых и уязвимых мест. Это мы обязаны признать, тем более, что украинский народ в таких случаях всегда нам напоминает своей мудрой поговоркой, что только «гречана каша сама себе казаль».

Не все и не всегда наши сатирики и юмористы активно вторгаются в действительность. У нас еще мало острот проблемных фельетонов и рассказов, ставящих вопросы морали, этики; поэтому мало еще у нас и произведений, в которых по-настоящему, высокохудожественно и остро сатирически раскрылась бы вся гнусность и омерзительность таких типов, как расхититель общественной собственности, как враль, как вельможа, залегающий в государственную кассу и пропялющийся за ее счет свою шедрость.

Несколько и не всегда удачно обращает свой взор на сатиру и юмор наша критика. И совсем уж обходит она своим вниманием литературную молодежь, а ее мало растить, «поливать», чтобы хорошо росла и крепкой выросла. Надо постараться «казаль» ее кваленой волочкой и не заглушить равнодушным отношением.

ВЫСТАВКА УКРАИНСКОЙ КНИГИ

На выставке украинской советской книги и книжной графики, размещенной в Московском доме художника, посетителей встречает плакат, который гласит, что за годы советской власти на Украине издано 129,700 названий книг общим тиражом в 1,532 миллиона экземпляров.

Вот стелды с произведениями классиков марксизма-ленинизма. Тираж их достиг 64 с половиной миллионов экземпляров. Прекрасно оформленные тома произведений вождя советского народа В. И. Ленина и

И. В. Сталина могут служить образцом полиграфического искусства.

Далее идут витрины с художественной, научной литературой, с книгами для детей. Здесь классики России и Украины, русские и украинские советские прозаики, поэты, драматурги, писатели братьев наших СССР и стран народной демократии.

Широки интересы художников-графиков Украины. Наряду с рисунками, оформами, гравюрами, иллюстрированными известными произведениями украинских писателей — наших современников, на выставке можно увидеть работы, навеянные драмами А. Островского, сказками М. Салтыков-Щедрина, стихами А. Пушкина, произведениями классиков украинской литературы, произведениями китайской писательницы Лин Лин, романами писателей Запада.

Выставка демонстрирует большие достижения полиграфии Украины. Не только киевские, но и харьковские, одесские, львовские типографии представили отличные образцы книжной продукции.

идет в фарватере биографического метода, чуждого полнотной науке.

Видно, методы исследования, застаивающие видеть истоки творчества в личности и интимной жизни писателя, уводящие в сторону от понимания большего закономерности художественного развития, еще продолжают оказывать влияние, мешая полнотной научному пониманию творчества больших художников.

Об этом, вероятно, не стоило бы столь подробно говорить, если бы страдательными серьезными недостатками работа В. Евгеньевича-Максимовича была единичным явлением. Но вот в журнале «Звезда» в №№ 3—5 за 1951 год опубликованы отрывки из работы Илья Грузева «Горький и его время». С большим интересом встречает читатель труды, посвященные величайшему писателю социализма. Но при чтении работы И. Грузева вы овладевает все большее разочарование. Вызывает удивление, как потырящая чувство ответственности редакция спокойно печатает эти безобразные куски, не объединенные единой мыслью, где штаты награждены одна на другую, главы работы произвольно разрываются по середине — начало печатается в одном номере, продолжение — в следующем. Еще первая книга И. Грузева «Горький и его время» вызвала замечания критики, указывавшей, что автор часто бесистемно группирует материал, не давая его последовательного освещения. Вторая часть работы показывает, что автор не только не ушел критики, сделанной в его адрес, но и усугубил ошибки первого тома.

В работе «Горький и его время» нет ни Горького, ни его времени. У Горького, как он представлен в работе, нет ни широких общественных интересов, ни связи с передовыми силами страны. Рассуждая о 90-х годах, Грузев видит в них «все гущающуюся темноту», рассказывает о холерных бунтах, о росте декадентских настроений, но не показывает развитие Горького в связи с великим революционным и демократическим движением. В литературе 90-х годов Грузев тоже видит больше всего рост декадентских настроений, инстинкты, уподобившись и т. д. А сам Горький предстает как зурный участник заурядных интеллигентских кружков, где говорят понемногу обо всем и ни о чем...

Все это И. Грузев рассказывает автору 1892—1893 годах. Но чем явился на самом деле эти годы для Горького, только что вернувшегося в Нижний-Новгород из Тифлиса, где он был тесно связан с рабочими марксистами и вел пропагандистскую работу в социал-демократических кружках?

Главный недостаток книги Грузева состоит в том, что она изображает писателя живущим в каком-то выжженном мире, лишенном корней в жизни народных масс, что, разумеется, неверно. Сила Горького, его великое превосходство даже над такими прогрессивными писателями, как Короленко, заключалась именно в том, что у него была могучая опора в демократических толщах, что он выражал самые широкие народные движения. В восточниках Горького о Короленко убийственно изображена группа мелкобуржуазных молодых людей, одна из которых убеждает Горького: «— Главное, пошлите ко всем чертям идею, идеалы и всякую дребедень. Нипште — просто! Долой идею...» Горький рассказывает, какой непримлемой, какой невыносимой для него была эта проповедь безидейности. Из воспоминаний самого Горького видно, какой тонкий и пронзительный взгляд на людей, на их отношения выработался у него в эти годы. А Грузев, увлекаясь эпизодами личной жизни писателя, сопоставляя мотивы творчества Горького с мотивами... Наслона, Фруга, с мыслями Лаврова, оставляет великого поэта нового мира в окружении носителей старых мыслей, мелких чувств. В рассказе Грузева нет полнотной перспективы, нет движения Горького вперед.

Ряд страниц посвящает он отношениям Горького с О. Каминской. Об этих отношениях писал сам Горький в рассказе «О первой любви». Грузев считает необходимым полнее нарисовать картину их совместной жизни, вскрыть то противоречия, о которых сам писатель с присущим его благородным тактом не считал нужным рассказывать. И вот Грузев пускается в сложные «выяснения», устанавливая, в частности, кто был первым мужем Каминской. Оказывается, что этот Корсак, во-первых, имел «совсем отдаленное отношение к народническому движению», во-вторых, что он был неразумным в массе поднадзорных интеллигентов, в-третьих, что он жил за границей, по это пребывание за границей не носило никакого поли-

тического характера, что, в-четвертых, даже в департаменте полиции попали, «сколь мало он причастен к революции». Словом, Грузев всесторонне обосновывает, что Корсак — личность ничем не примечательная; спрашивается, зачем же мы столь тщательно занимаемся и что дает такое «корсаковедение» для понимания творчества Горького и его облика?

Композиция труда И. Грузева хитуетна. Он дает сначала какой-то биографический эпизод, затем обращается к одному из произведений писателя, пересказывает и цитирует его. Духовный мир писателя, его поиски правды, о которых сам же Горький так ярко рассказал в очерке о Короленко, отнюдь не раскрываются. А ведь Горький после Тифлиса с особенной остротой чувствовал фальшь и бесплодность лог буржуазно-интеллигентских кружков. Шире и осознаннее стало отрицание им капиталистической действительности. Формировался и его литературные взгляды, — об этом у Грузева нет ничего, кроме путанных рассуждений, что в таких рассказах, как «Нипшенка», «Пробуждение», мы видим якобы одну лишь реализма, «без темных мыслимых романтических пот, какие уже возникли у Горького в его основных рассказах». Непонятно, как можно исключать реалистические рассказы Горького из числа его «основных»? произведений.

Отрывки из работы И. Грузева, опубликованные в журнале «Звезда», не дают представления о полнотной обличке большого художника, замечательного человека, неопустимо мелят этот облик.

Марксистское литературоведение отнюдь не отрицает необходимости обращения и к биографии писателя. Показав жизнь великого человека в связи с процессами общественного развития, как частную и отражение этих процессов, интересно и нужно. Но биография означает дословно запись жизни, и дело в том, как мы понимаем жизнь. Жизнь есть явление, что Горький, и главное, определяющее в человеке то, что он делает, творит, пафос его деятельности, отношение к своему долгу.

В связи с первым вариантом фильма о Нахимове в постановлении ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» говорится: «...Кинорежиссер В. Пудовкин взялся ставить фильм о Нахимове, но не изучил деталей дела и написал историческую правду. Получился фильм не о Нахимове, а о баладе и танцах с эпизодами из жизни Нахимова. В результате из фильма выпали также важные исторические факты,

что русские были в Сиполье, и что в Сипольском бою была взята в плен целая группа турецких адмиралов во главе с командующим».

Это не частное замечание по неудачным эпизодам в кинофильме, оно имеет глубокое, общепринципиальное значение. Нельзя исторически правильно раскрыть жизнь деятеля через второстепенные детали быта. Чтобы понять величие человека, значение его деятельности, необходимо понять и раскрыть эту деятельность, как основу всей жизни человека.

Именно такие задачи ставила перед собой работница кино, создавая фильмы, посвященные Глинке, Мусорскому, Павлову. Именно такие задачи, работа над вторым вариантом, поставили создатели фильма «Адмирал Нахимов», исправившие ошибки, указанные партией, и создавшие полноценное произведение. Деятель нашего кино не стремился к голый развлекательности, не увлеклись показом героев, обуреваемых мелкими чувствами. Они видели главное в человеке! Именно полнотой образов, раскрытием характеров в больших делах и объясняется удача этих новаторских фильмов. Увлечение же малозначительными и, в сущности, случайными деталями биографии означает уход от понимания полнотных закономерностей развития таланта.

Биографический метод в литературоведении потому-то и оказался бесплодным и беспомощным, что игнорирует то главное и решающее, что определяет облик художника и ставит творчество писателя в зависимость от мелких и второстепенных явлений. Следование канонам этого метода объективно ведет к тому, чтобы вырвать литературное творчество из рамок больших общественных закономерностей, лишить его глубоких народных корней, представить чем-то мелким и субъективным.

Советский читатель хочет, чтобы детали литературы прошлого были показаны во весь рост, во всем своем значении, в полнотной и глубокой связи с жизнью народа, с великими народными движениями. Для этого необходимо продолжать и извять этиные устаревшие, отвергнутые переловой наукой методы литературоведения. Для этого необходимо усвоить тот ясный и широкий взгляд на мир, на всю многообразную жизнь, на прошлое и настоящее, на человека в его связи с обществом, который свойственен литературе и литературной критике социалистического реализма.

Новые постановки самодеятельных коллективов

Москвичи не так давно увидели на сцене МХАТ спектакль «Платон Кречет» А. Корнейчука. В спектакле не было ни одного профессионального актера, все роли играли участники художественной самодеятельности московского завода «Красный пролетарий». И в нескольких других городах на сценах профессиональных театров показали свои постановки самодеятельные драматические коллективы.

В Уржуме — родине С. М. Нирова — местные учителя поставили «Русалку». В черепные другой учительский коллектив поставил «Запорожца за Дунаем» и «Наталью-Полтавку». В Днепропетровске — флотский коллектив «Краматорского завода имени Орджоникидзе осуществил две постановки — «Бахчисарайский фонтан» и «Волшебную флейту».

В Балхаше актеры-любители медеплавильного завода показали «Голос Америки» В. Лаврова, в таежном селе Нижне-Ильичинской области драматический коллектив местного драматического кружка был отмечен постановкой «На дне» А. М. Горького... Много таких сообщений идет со всех концов нашей страны.

Многочисленная забота партии и правительства о художественном росте многочисленных самодеятельных коллективов при дворцах культуры и клубах промышленных предприятий, учрежде-

ний и колхозов дала прекрасные плоды. Искусство стало доступным миллионам любителей. В кружках и ниде на сцене своего завода культуры, в кружках культуры, танцевальных ансамблях, музыкальных, танцевальных, танцевально-художественных, самодеятельных коллективах, балетных школах Л. Садовская,

поставленного балетного коллектива Краматорского завода имени Орджоникидзе. Фото С. ГЕНДЕЛЬМАНА (ТАСС)

ГОД

Прошел год с тех пор, как США шагнули на Корею. Целый год! Триста шестьдесят пять дней и ночей не сползают на небольшом азиатском полуострове разрывы снарядов, гуляет над ним военные самолеты современных марок.

Целый год тянется беспрерывное в истории военное преступление. Начатое с провокации, оно развернулось в гнусную цепь массовых убийств. В первые часы прошлогоднего июньского дня присяжным прощам буржуазного мира казалась с Кореей покончено. И в самом деле, с точки зрения мертвой логики казалось немалым сколько-нибудь длительным сопротивлением маленького мирного народа, занятого творческим созидательным трудом, самому хищному, самому безжалостному, осначенному новейшей техникой убийства людей империалистическому государству.

Но, повторяем, это была мертвая, лишенная жизни логика. Для которых жизни на коленах предпочтительней смерти. Корейский народ смел, опрокинул эту «логику». Триста шестьдесят пять дней и ночей он дает наглядный урок империализму: на что способны люди, которыми движут великие чувства свободы, независимости и любви к родине. Прошел год, но американцы ни на сантиметр не приблизились к своей цели. Начав войну на 38-й параллели, они на ней же отмечают мрачную для них годовщину.

Правда, у американцев и их сообщников есть кое-какие «успехи». Они превратили в зону пустыни десятки корейских городов и сел. Они забили трупами растерзанных корейских патриотов не один железнодорожный тоннель в этой горной стране.

Но американские убийцы не добились главного для них — они не покорили Корею, не захватили страну, не сложили боевого дух корейского народа. Более того, они получили сильную оплеуху. Звон этой оплеухи до сих пор звучит во всем мире, и позор Америки на далеком азиатском полуострове виден отовсюду.

Ад разложения — страшный ад. Убийцы, насильники и провокаторы весьма восприимчивы к этому яду. Нельзя делать фашистские дела, оставляя нефашистскую собственную душу. Смрадным чалом разложения несет от американско-английской интервенционистской армии в Корею. Люди всего мира на примере корейских событий могут убедиться, что такое Атлантизм и прочие пакты в их, так сказать, активном варианте.

Американцы начали корейскую авантюру они (если не считать лисьямановцев). Их разойли. Тогда, для престижа, для символика «содружества», с одной стороны, и по традиционной привычке заставлять воевать за себя других, с другой, они потребовали присылки войск подвассальных стран.

Скрепя сердце, прибыли англичане, — им все это было наиболее обидно, они всю свою историю сваливали уменем толкать в огонь других. Прибыли турки. Прибыли греки. Когда им пришлось быть в Корею, там не было, скажем, голландцев. Правда, в сеульском «Чосен-отеле» нам приходилось пить трофейное голландское пиво, но это означало лишь, что голландцы в то время еще надеялись отделиться от корейской «заварухи» пивной лептой. Потом прибыли и голландцы. Современный американский Шейлок не ценит «символические жесты». Он требовал натурального человеческого мяса от своих «друзей» — саттелитов.

Цель позорных военных поражений, всеобщая ненависть, отсутствие благородной цели, доношаемые зимней пургой и летней жарой, сделали свое дело. Интервенционистская армия смерит. Некоторые солдаты и офицеры ищут забвения в еще более диких убийствах и грабежах. Другие превратились в истериков. Третьи пытаются ударить с корейской земли, которая жжет им подошвы. Четвертые презирали и проклинали «боссов», пославших их на позор и бесславие.

Все это не прерывает беседы для мира. Даже буржуазная печать уже давно не может замалчивать все, что происходит в армии интервентов. Американская печать констатирует немалое беспокойство объединенной группы начальников штабов по поводу постоянной убыли боевой мощи американских войск. Сегует «Таймс»: «Им (англо-американцам. — А. Ч.) приходится выносить такое сильное напряжение, какого не было во многих страшных войнах, ибо цели им не ясны...»

Это пишут газеты. А вот, что говорят пленные солдаты: «Я доволен, что остался жив... заявил связист 8-го батальона разгромленной 29-й английской бригады Рональд Кокс.—Что касается Трумэна, Мазарура и других поджигателей войны, то можно сказать, что они враги не только корейского народа, но и враги английских и американских солдат, враги их жен, детей, отцов, матерей, близких...»

Некоторые моменты войны в Корею записаны на публикуемых здесь фотоснимках. Вот американский негр Джеймс Вильсон из 1-й американской кавалерийской дивизии. Он избежал и костра Линча на родине и пути на корейской земле. Он счастлив. «Впервые в моей жизни едой обращается по-людски, приветливо», — говорит он китайским добровольцам (снимок 1). Вот филиппинцы, для которых кончилась война, ибо они предпочли дедов смерти во имя чужих интересов (снимок 2). Вот турки, разбитые и взятые в плен (снимок 3). Вот исковерканная американская техника и поверженный звездно-полосатый флаг (снимок 4). Какой многоговорящий символ!

Триста шестьдесят пять суток войны в Корею — это непрерывная цепь позора американской армии. И вместе с тем это гигантский венок мужества, воли и героизма корейского народа — солдат, офицеров, рабочих, крестьян.

Война в Корею не кончена. Но исход ее, вне зависимости от времени, предопределен. Он предопределен волей корейцев победить во что бы то ни стало. Он предопределен ростом сил мира во всем мире.

Поражение Трумэна в Италии

Фелчче КИЛАНТИ

Прошло почти четыре недели после начала муниципальных выборов в Италии, проводившихся 27 мая и 10 июня, пока министр внутренних дел удосужился, наконец, сообщить народу результаты голосования. Вначале о выборах говорили все: радио, духовенство, министры, премьер де Гаспери; но когда почти две трети итальянских избирателей сказали свое слово, в официальных сферах наступило гробовое молчание. Чтобы спать спокойно, синьор Шельба долгое время держал под шлюзом известие о своем поражении. Таковы уж своеобразные методы управления, применяемые в нашей стране... Это, как известно, и называется «западной демократией»!

Но бесконечно замалчивать грандиозную победу народных сил Италии стало, как видно, невмочь даже департаменту Шельбы. Министерство внутренних дел опубликовало, наконец, 19 июня официальные данные о распределении голосов на выборах. Однако и на этот раз синьор Шельба, пытаясь хоть как-нибудь оползнуть пилулю, пустился на хитрость. Пос-

то всякий, кто не голосует за воинствующих католиков, совершает смертный грех и уходит прямым путем в ад. От «святейшего» морального давления не избавлены даже младенцы, которым отказывают в крещении, и старики, которых лишают причастия перед смертью.

Вопреки всему этому трудящиеся одержали победу: стихнув с себя бремя лжи и обетственных суеверий, народ увидел новый путь, который указали ему Альбино Толлатти и коммунистическая партия, и горячо уверовал в возможность торжества сил демократии.

Христианские демократы потеряли за два тура муниципальных выборов и на выборах в Сицилийское областное собрание около двух с половиной миллионов голосов. Надо полагать, что на выборах в остальных части провинции, которые состоят осенью этого года, когда будет голосовать оставшаяся часть избирателей, потери христианских демократов достигнут цифры в три-четыре миллиона голосов.

Перед прогрессивным лагерем стояла задача: сломить политическую монополию христианской демократии. Эта задача уже выполнена.

В 57 главных городах провинций, где 27 мая и 10 июня происходили выборы, христианские демократы, собравшие 18 апреля 1948 года 45 процентов всех голосов, теперь получили около 38 процентов; между тем число голосов, поданных за левые партии, возросло с 30 до 40 процентов.

В одной лишь Сицилии левые партии и их союзники выиграли двести тысяч голосов, а христианские демократы потеряли четыреста тысяч.

Закон о выборах в муниципалитеты, являющийся крупнейшим образованным 18 апреля 1948 года, — один из самых нечестных, когда-либо существовавших в мировой истории: согласно этому закону общины управляют не большинством населения, а относительным большинством, причем это относительное большинство образует голоса не одной партии, а коалиции различных реакционных партий. Такое большинство дает возможность — по новому закону — захватить две трети мест в муниципальных советах.

Мы видим, что и в Генуе, и в Сиене, и в Таранто, и во многих других местах христианско-демократическая партия блокировалась с монархистами, республиканцами и, разумеется, с правыми социалистами. Все средства были хороши, лишь бы сколотить антикоммунистический блок. Но, несмотря на этот блок, общинные советы в Сиене и Таранто завоеваны народными силами. В Генуе же муниципалитет будет возглавляться христианским демократом, хотя он и получил на 10,000 голосов меньше, чем бывший синдикат — коммунист, профессор Джакомо Адамони.

Пример этот (один из многих) показывает, что новый избирательный закон — сплошное надутельство. Одна американская журналистка, анализируя результаты выборов в Генуе, открыто заявила, что замена синдика — коммуниста, одержавшего победу по большинству голосов, христианским демократом, потерпевшим поражение, призвана обеспечить «разгрузку» в этом порту вооружения в соответствии с Атлантическим пактом». Но именно в вопросе о Северо-атлантичском пакте, занимавшем центральное место в предвыборной борьбе, правительство по существу оказалось побитым. Достаточно рассказать о случае, который произошел в промышленном городе Пьямбино (в Тоскане, на Тирренском море).

Три месяца назад в Пьямбино был пущен металлургический завод, разрушенный в годы войны американскими бомбардировщиками, во время которых многие жители города были убиты, а жилища рабочих уничтожены.

Министр промышленности Толлатти и американец Дейтон, помощник по реализации «плана Маршалла» в Италии, явились на перемену пущка. Два видные политические фигуры с хвостом итал-американских чиновников и журналистов, прибыв в Пьямбино, нашли площадь перед заводом совершенно пустой... Рабочие находились в пещах и делали вид, что заняты. Итальянский министр и американский эмиссар собирались обратиться к ним с речью, но

никто не оставил рабочего места, и «святые» особы были вынуждены выкрикивать свои дозвонки в микрофон на безлюдной площади...

Затем гости отрывались в муниципалитет и были приняты синдикалом коммунистом Виллани. Толлатти и Дейтон до небес превозносили «план Маршалла» и Атлантичский пакт, но синдик ответил им краткой речью:

«Имейте в виду, синьоры, — сказал он, — что жители Пьямбино хотят мира. Имейте в виду, что 80 процентов населения города, которым я руковожу, подписали Стокгольмское Воззвание. Население Пьямбино решило не посылать своих сыновей на смерть ради американцев. Население Пьямбино никогда не будет воевать против Советского Союза».

Итальянского министра чуть не сделал нервный припадок. Он схватил за руку американского проконсула и увел его прочь прежде, чем Виллани успел окончить речь. На следующий день президент республике подписал декрет об отстранении коммуниста Виллани от занимаемой должности за «покушение на общественный порядок».

Город Пьямбино голосовал 10 июня: синдик Виллани был переизбран 80 процентами голосов! Это — наиболее высокий процент, достигнутый левыми партиями на муниципальных выборах этого года!

Американская газета «Нью-Йорк таймс» писала 30 мая по поводу выборов: «Голоса, полученные коалицией коммунистов и левых социалистов, показывают, что, несмотря на 1,300 миллионов долларов, израсходованных Соединенными Штатами в Италии за последние три года на основе «плана Маршалла», огромное число итальянцев видит еще в программах крайне левых партий путь к улучшению своей жизни».

Это вынужденное признание органа американских монополий справедливо. Но прежде всего широкие массы итальянцев, празднующих свою политическую победу, видят в программе левых партий защиту мира. Вот в чем глубочайшее значение победы итальянского народа в его борьбе против империализма США.

Наши выборы — горький итог для министра Трумэна. Он затратил в Италии один миллиард триста миллионов долларов на подготовку войны. Однако это была наихудшая из сделок, когда-либо совершенных заокеанскими бизнесменами, — 27 мая и 10 июня итальянцы голосовали за мир и независимость, против правительства, подписавшего Атлантичский пакт.

...Завтра утром мы выйдем на улицу, купим несколько правительственных американизированных газет и с любовью рассмотрим их. Теперь, когда против коммунистов и Советского Союза уже сказано все, решительно все, что только может измыслить самая разнузданная лживая фантазия, интересно узнать, что еще в состоянии придумать реакционная печать. Это все равно, что наблюдать за развитием последовательных стадий безумия: антикоммунизм нацистского и фашистского толка, отравивший атмосферу наших дней, вступает в стадию агонии, — он смертераннее оружием истгни.

Однако и безумие имеет свои границы. Оно перестает заражать: даже запуганные атом терять свое действие. Миллионы итальянцев дали мужественный ответ вар-

«У итальянского министра чуть не сделался нервный припадок»
Рис. Бор. ЕФИМОВА

диналам и епископам католической церкви, избрав путь «смертного греха» — путь мира, труда, свободы и независимости нашей прекрасной родины.

РИМ, июнь

«Третий путь» аргентинской печати

Аргентинские газеты на разные голоса распевают о «нейтралитете», об «особой» и «независимой» позиции Аргентины на арене международной политики. Позвуря перед читателями, перистые газеты «Ла Критика», «Ла Эпока» и другие именуют себя «поборниками национальной суверенитета» и «врагами империализма янки».

Между тем империалисты-янки отнюдь не проявляют особого страха, обаята таких «врагов» в лице журналистов этих газет. И действительно, в данном случае у Уолл-стрит нет никаких оснований для беспокойства. Достаточно открыть любую из перистых газет, чтобы убедиться, что собой представляют на поверку их «третий путь».

Возьмем к примеру «Ла Критика». Последней список этой газеты весьма пестр. При своем основании в 1913 году «Ла Критика» была по преимуществу спортивной газетой. Видно, особая спортивная закалка помогла газете в дальнейшем с легкостью совершать головоруководительные политические курьезы и салто-морале. Газета меняла политическую ориентацию, пока, наконец, грядущий декрет Национального испанского банка не привел к превращению «Ла Критика» в перистый орган.

«Нейтралитет» аргентинской прессы имеет более чем своеобразный характер. За каждую фразу, которая может быть истолкована Белым домом, как выражение некоторой неприязни по его адресу, «Ла Критика», «Ла Эпока» и уже с ними

спешат тут же «сумаслеть» Уолл-стрит и сытком гнусных поджигателей антивоенских статей. Подобный балабас влечет устремление Уолл-стрит.

Хорохорясь и всячески рекламируя свои «неполчиные» империалистам США, аргентинские газеты в то же время полны с чужого голоса, с «Голоса Америки». Еще год назад, в июле 1950 года, «Ла Критика» поместила на своих страницах карты, на которых стрелками было показано направление атак на советские города. «Ла Критика» усердно воспринимала самые наглые приемы откровенной пропаганды войны агрессивных кругов США.

На днях — 12 и 13 июня «Ла Критика» опубликовала статью, в которой, раба кошары методы хрестовских гангстеров пера, повторяет наиболее ожесточенные бредни об угрозе коммунизма, распространяющемуся в Варшаве, борбу за мир во всем мире объявляет «сподручной деятельностью».

От «Ла Критика» несколько не отстают «Ла Эпока». Сей листок договорился до откровенных призывов к нападению на Советский Союз, Китайскую народную республику и страны народной демократии.

Примеры подобного рода людоедских выкриков, несущихся со страниц аргентинской печати, можно было бы умножить. Таким образом сами перистые газеты усердно разоблачают сами же выдуманный миф о какой-то «третьей позиции», которую они якобы занимают.

А. БОЙКО

Дикари в Ясной Поляне

Как-то в 1946 году группе советских журналистов пришлось посетить начальнической одной из оккупированных американцами японских военно-морских баз командора Даффи. Хозяин, узнав, что мы имеем отношение к искусству, предложил нам послушать Шопена. Индеец-дешик зарядил радио-коробочку голубых пластинок и пустил аппарат. Не сразу поняли мы, что это Шопен! Комната наполнилась ритмическим стуком и шипением товарного паровоза, брошенного с разгона трудный подъем, и только сквозь победоносный джазовый грохот, как далекий стон, доносились намеки на милые сердцу ноты и вальсы. Их почти нельзя было обнаружить за фокстротом тототом стукалок и барабана. Это был Шопен, препарируемый для мистера Даффи, так сказать «Шопен — Даффи».

Отличный композитор, — сказал командор, когда радио наконец остановилось. Подобные примеры вспомнил всякий, кто сталкивался с «культурой» доллара. Они говорят о духовном облике тех, кто в своей мании величия ныне возмнил себя владыками судеб мира. Никогда не забуду, как все после войны мне показали кирсанскую книжечку в лаковой обложке, на которой были изображены хорошие мужчины и хорошенькая дамочка, готовящиеся поцеловаться. Тут же была помещена краткая аннотация от издателя: «Тема самая обыкновенная: о муже, жене и любовнице — изложена изумительно проникновенно. Автор изображает переживания чувствительной женщины, нарушившей законы морали».

И над этой похобной рекламой, рассианной на любителей «клубнички», — фамилия автора и название романа: «Лев Толстой. Анна Каренина».

Что это было? Идиотство, дикарство, жульничество? Несомненно, — и то, и другое, и третье. Но все покрывалось главным, одним: тумным и беспардонным презрением к величии человеческого духа, ко всему глубокому, человеческому, прекрасному.

«Толстой — Даффи», — какая гнусность! Одно из величайших творений мирового искусства было разрезано на кусочки и препарирувано в виде краткого адольтерического приключения — на час вагонного чтения. Это глянцевитое и портретное конуство мистера Герберта М. Александера, издателя из Нью-Йорка, мало чем лучше того, которое уныло «доктор Шварц» гитлеровской Германии, приквашивший специально зарыть 75 фашистских трунов возле могилы Льва Толстого в Ясной Поляне. И тот и другой прикоснулись к памяти о великом гении грязными руками палачей и торгашей.

Что им до того, кем был Толстой для русского народа, для всего человечества, великан, которого Анатолю Франсу справедливо сравнил с Гомером, гигант, о произведении которого Ленин сказал, что они заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе?! Фашисты ломали вещи, сделанные руками Льва Толстого, и топтали ими печи, хотя знали отлично, что эти вещи сделал Толстой и что во дворе сложены запасы дров на всю зиму. Оскорбляя память русского народа, они стремились оскорбить весь русский народ и весь тех, кто разделяет любовь нашего народа ко Льву Толстому. Они топтали Толстого, как Даффи топтал Шопена, как Герберт М. Александер издевался над «Анной Карениной».

Впрочем, и Даффи и Шварц, и Александер — это прошлое. Есть факты, произошедшие в Москве из Ясной Поляны. Вот о чем они повествуют.

10 июня в Ясной Поляне был празднично отмечен 30-летие со дня издания декрета советского правительства об организации музея-усадьбы имени Льва Тол-

стого. В парке и в зданиях было много гостей, приехавших почтить память великого писателя, посетить место, где он родился, где создавались бесценные творения литературы, где среди бесконечных берез в глубокой тени и в тишине скрывалась могила — холмик земли, священный для всех культурных людей земного шара. Здесь — «зона тишины»: об этом знают все посетители усадьбы, здесь не принято громко разговаривать, бегать, пить, смеяться — традиция, установившаяся еще с давних пор и нарушенная только однажды — в дни вторжения гитлеровцев.

10 июня этого года она была нарушена вторично. В музее-усадьбе появилась полчищавшая компания мужчин и женщин. С хохотом и криками, расталкивая посетителя, люди эти ввалились в вестибюль, а потом и в комнаты музея. Найдя здесь много народу, они принялись громко «осуждать» экспонаты и реликвии. Каждая вещь интересовала их только как повод к насмешкам и издевательству. Во всем, что они говорили, они демонстративно выражали пренебрежение к месту, где они находились; к людям, которые создавали и берегут этот музей мирового значения.

Но особенно распевались эти, с позволения сказать, «гости», когда попали в парк. Здесь сразу выяснилось, что отнюдь не литературные темы и не музей великого писателя их интересовал. Повидимому, совсем новыми были цели их приезда. Вызвав шумом, грубостью, всем своим поведением и — главное — вразбродными выпадами они явно пытались вызвать на грубость или на резкость советских людей, находившихся в парке. Но они получали только сдержанные, спокойные и убийственные для них ответы. Убедившись, что их антисоветская провокация не имеет никакого успеха, они уселись в машины и с невозможным для нескольких человек шумом уехали во-свои.

Что же были эти люди? Это были сотрудники посольства США в СССР. В книге посетителя музея они оставили свои имена: Делл, Гуд, Формэн, Бранаман, Халди, Лонг.

К этому стоит прибавить, во-первых, то обстоятельство, что четверо из этих «любителей литературы» являются помощниками и сотрудниками американского военного и военно-морского атташе и, во-вторых, то что «главные экскурсанты» — господа Стайн, первый секретарь посольства США, и Коллинс, второй секретарь посольства (он же один из руководителей журнала «Америка»), — вообще предпочли оставлять следов своего визита в книге посетителя.

Советские люди, с возмущением написавшие об этом «экскурсии» в Ясную Поляну, по достоинству оценили поведение «экскурсантов».

«Если от других иностранных делегаций, присутствовавших в этот день в Ясной Поляне, у советских людей осталось определенное впечатление, то от группы американцев, наборот, — отрицательное», — пишет на Тулы Петр Федорович Иваненко.

«Меня возмущает такое наглое поведение американцев, да еще в таком месте, которое мы уважаем и чтим, как патриот советской России», — пишет Алексей Борисович Ушкалов.

«Я, как гражданин Советского Союза, горячо любящая свою Родину, была возмущена до всей глубины души таким извращением эти американцы, приехавшие в СССР и не умеющих уважать не только нас — русских, но и такое святое место как Ясная Поляна», — пишет Софья Гавриловна Смирнова.

Думается, что к этим оценкам трудно что-нибудь прибавить.

Бор. АГАПОВ

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, И. АТАРОВ, Н. ГРИВАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).